

Секретарь Сун покачал головой:

— И слуги толком ничего не знают. Говорят лишь, что глава их дома, Цуй Цюэ, получил императорский указ: император пожелал призвать пред свои очи юного гения, вот он и велел им немедленно доставить Цуй Се в столицу. По дороге они столкнулись с шествием новых сюцаев и по их следам пришли к ямыню. Желает ли господин, чтобы Цуй Се тотчас отправлялся в путь?

Оба взглянули на Цуй Се с невольным изумлением. Но тот был предупрежден заранее, поэтому сохранял абсолютное спокойствие — словно даже если рухнет гора Тайшань, он и бровью не поведет.

Дай Жэнь мысленно снова похвалил его и произнес:

— В твоём доме вряд ли дерзнули бы лгать об императорском указе. Сходи взгляни: если это и впрямь твои домочадцы, отправляйся с ними.

Даже если это и впрямь слуги семьи Цуй, сам Цуй Се не знал среди них ни души.

Однако о своих затруднениях он молчал и лишь проговорил:

— У меня есть знакомый, который ждёт за оградой Храма литературы. Это юноша лет пятнадцати-шестнадцати, в тубетейке и алом халате-даопао. Не позволит ли господин позвать его, чтобы я наставил его перед отбытием?

Секретарь Сун заметил:

— Ты про того, кого зовут Пэн Янь? Разве он не твой слуга? Он сидит в главном зале управы вместе со слугами семьи Цуй.

Беспокоясь о Пэн Яне, Цуй Се попросил разрешения у инспектора. Дай Жэнь взмахнул рукой:

— Высочайший призыв — дело первостепенное. Иди со спокойной душой, а я сам извещу учебных чиновников уезда Цяньань, чтобы они внесли тебя в списки учащихся.

— Премного благодарен, господин!

Он последовал за секретарем Сун в главный зал и увидел Пэн Яня, сидевшего подле двух незнакомых молодых мужчин. Все трое молчали. Стоило Цуй Се войти, как оба незнакомца тут же вскочили и с угодливыми улыбками заискивали:

— Старший молодой господин, наконец-то вы пришли! По милости императора вас призывают во дворец! Господин спешно повелел нам приехать и доставить вас в столицу, чтобы сшить вам новую одежду и обувь, а также обучить придворному этикету.

Пэн Янь от волнения едва не плакал, глаза его покраснели:

— Старший брат! Брат Цуй Син говорит, слава о твоём гении дошла до самого дворца! Император отозвался о тебе как о преданном, праведном и талантливом человеке и желает дать тебе аудиенцию! Это же значит, что ты скоро станешь большим чиновником!

Император призвал его не только ради встречи с «юным гением» — скорее всего, он захочет расспросить о деле госпожи Сюй, обвинённой в клевете на чиновников.

Цуй Се тихо вздохнул и, похлопав слугу по плечу, произнес:

— Я понял. Это великая радость, и мне следовало бы взять тебя с собой, но твой отец в уезде не знает о происходящем и будет тревожиться. Не ешь со мной в столицу. Вернись и успокой отца. Пусть эти дни вы с ним от моего имени навещаете на родовое кладбище, а затем пригласите из храма добродетельных монахов и проследите, чтобы они прочли две тысячи свитков канонов за упокой предков. Пусть и предки приобщатся к монаршей милости.

В конце концов, отец и сын раньше были слугами семьи Цуй, и в столице перед домочадцами Цуй им всё равно пришлось бы гнуть спину. А если Цуй Цюэ узнает о лавке «Цзюаньчжай», оформленной на их имя, неизвестно, какую бурю он устроит.

К тому же дело о клевете на чиновника — серьезное преступление, и семья Цуй вряд ли выйдет из него абсолютно чистой. Если вспыхнет пламя, отцу с сыном будет безопаснее оставаться при храме, чем в столичном поместье семьи Цуй.

Услышав о «предках», прибывшие из столицы слуги смутились: Цуй Цюэ много лет не приезжал на родину совершить жертвоприношения, да и посылаемые слуги исполняли обряды спустя рукава. Вероятно, старший молодой господин узнал об этом. Пэн Янь хоть и горел желанием поехать в столицу, привык повиноваться, поэтому подавил свое стремление и проговорил:

— Тогда я вернусь. А дальше попрошу братьев Сина и Ши заботиться о старшем брате.

Двое слуг поспешили заверить:

— Брат Пэн Янь, не беспокойся, разве смеем мы служить старшему молодому господину без усердия!

Затем Цуй Се попрощался с инспектором Дай Жэнем и другими чиновниками управы и отправился на постоянный двор за вещами.

Поскольку в этот день проходили торжества по случаю поступления в училище, новые сюцаи вместе отправились на праздничный пир, и на постоялом дворе было пусто. Никто не приставал с расспросами, отчего он так спешит. Он велел Пэн Яню остаться и передать товарищам по экзаменам, что он возвращается домой, собрал немного одежды, взял сухой паек и серебро, после чего вместе со слугами семьи Цуй сел в повозку.

Только выехав из Юнпинской управы и очутившись на безлюдной горной дороге, слуги осмелились открыть ему правду:

— Нашу госпожу схватили слуги из Цзиньивэй! Император призывает вас во дворец для ответа после того, как дело будет закрыто.

В душе Цуй Се не колыхнулась ни одна струна, но на лице отразились ужас и скорбное негодование. Схватив слуг за воротники, он пригрозил им, яростно встряхивая:

— Что произошло?! Почему всё так вышло?!

Его игра была слегка наигранной, однако на смерть перепуганные слуги не обратили внимания на мелочи. Вцепившись в его руки, они тихо умоляли:

— Господин, тише! Нельзя, чтобы кто-то услышал! Вернемся в столицу — сами всё узнаете, а

сейчас мы и слова вымолвить не смеем!

Цуй Се гневным взглядом смерил их и со скорбным хрипом выдохнул:

— Матушка с трудом вырастила и воспитала меня, а теперь брошена в тюрьму! Как сын, я должен принять наказание вместо нее, так неужто я стану смотреть со стороны и делать вид, будто ничего не знаю?! Говорите немедленно, что стряслось, не то я отправлюсь прямо к дворцовым воротам просить заступничества у императора!

Оба слуги так перепугались, что принялись удерживать его:

— Молодой господин, смените гнев на милость, мы всё скажем!

Они пересказали всё, что слышали во время оглашения указа, и принялись отговаривать Цуй Се:

— Господин твердо решил дать госпоже Сюй развод, рано или поздно она перестанет быть членом нашей семьи. А вы — юный гений, которого желает видеть сам император! Тот евнух лично назвал вас преданным и праведным! Зачем вам изводиться из-за этой недостойной преступницы?

Цуй Се благородно ответил:

— Пусть матушка и виновна, но как сын я не могу бросить ее на произвол судьбы! Не просите, я твердо намерен подать за нее прошение!

Слуги даже упомянули, что Цуй Цюэ уже несколько дней не может исполнять службы, умоляя пожалеть отца и не втягивать поместье в это смертельно опасное дело. Однако Цуй Се всеми силами разыгрывал роль почтительного сына: потерял аппетит и день за днем изливал скорбные вздохи.

Повозка мчалась день и ночь, и через три дня прибыла к поместью семьи Цуй. Вся семья Цуй вышла во двор встречать его. Вышел даже Цуй Цюэ. Глядя на первенца, долго отсутствовавшего дома, он почувствовал легкое замешательство: это его сын, благородный муж и юный гений, похваленный самим императором, а теперь, вероятно, и главная надежда на его собственное будущее служебное продвижение.

К счастью, он вовремя отослал ребенка из столицы, и эта злодейка госпожа Сюй не успела погубить его.

Он отряхнул рукава, принял исполненный отцовского величия вид и сел в главном зале в ожидании, когда Цуй Се выйдет из главных покоев после поклонения бабушке и засвидетельствует ему высочайшее почтение.

Время в этот миг словно растянулось. Доносившийся со двора смех донимал своей назойливостью, но госпожа Сун категорически запретила ему входить в ее покои, чтобы принимать поклоны вместе с ней, так что ему оставалось лишь томиться от ожидания в собственном дворе.

Спустя неизвестно сколько времени за двором наконец послышались клики: «Старший брат!», «Старший молодой господин!». Он поправил одежду, выпрямился и устремил взгляд на порог зала, с нетерпением дожидаясь, пока Цуй Се войдет засвидетельствовать почтение. Однако едва процессия подошла к ступеням, как через ворота ворвалась дерзкая и свирепая фигура. С

багровым от ярости лицом этот человек кинулся к Цуй Се и с диким криком занес кулак для удара в лицо:

— Это ты, отродье, погубил мою мать!

Раздался звонкий глухой удар. Цуй Цюэ в ужасе подскочил со стула и громко закричал:

— Схватите мерзавца! Утащите его и заставьте коленопреклоненно каяться в храме предков!

Он уже не мог усидеть на месте и бросился наружу, чтобы взглянуть на Цуй Се — ведь тому предстоит идти во дворец на аудиенцию к императору! На его лице ни в коем случае не должно остаться ни единого следа или шрама!

Во дворе раздавались лишь испуганные вопли кормилиц и служанок. Обычно их нежные соловьиные голоса ласкали слух, но сейчас, слившись в нестройный гвалт, они лишь раздражали. Сварливо крикнув на них, он выбежал на крыльцо и сверху вниз посмотрел на двор, только тогда разглядев, что произошло на самом деле.

Это Цуй Хэн подскочил сзади и, схватив Цуй Се за рукав, замахнулся кулаком в лицо. Цуй Се резко отвел правую руку вместе с рукавом назад, слегка откинув голову и уклонившись от удара, а левой рукой перехватил летящий кулак и вывернул его книзу.

Еще до того, как Цуй Цюэ успел вмешаться, старший сын скрутил правую руку младшего, провернул ее на пол-оборота и прижал к его же груди, лишив возможности двигаться.

Пронзительные вопли Цуй Хэна оглашали двор, но Цуй Се оставался непреклонен. Крепко удерживая его левую руку, он под эти крики хладнокровно спросил:

— Мой отец — твой отец. Моя мать была законной супругой отца. Как ты меня только что назвал? Матушка сейчас в тюрьме, и неизвестно, жива ли она. А ты, ее сын, вместо того чтобы хлопотать за нее, искупать вину и молиться о благополучии, прибежал сюда учинять самоуправство, обижать старшего брата и попираť законы сыновнего долга!

— Ты боишься, что в обществе недостаточно толкуют о недобродетельности матушки и ее неспособности воспитать сына? Или ты опасаясь, что семейный позор недостаточно разглашен, а будущее отца недостаточно омрачено?!

И впрямь!

<http://bllate.org/book/18372/1761336>